

КУСТ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА: СЕМАНТИКА ОБРАЗА

Статья посвящена анализу одного из самых частотных художественных образов в поэзии Александра Кушнера — образу куста. В качестве материала для исследования послужил весь корпус лирики поэта, начиная с первых поэтических сборников Кушнера 1960-х годов до последних журнальных публикаций. В исследовании семантики данного художественного образа мы старались придерживаться комплексного подхода и использовали элементы сравнительно-исторического, формального, структурного методов литературоведческого анализа. Среди растительных образов (сад, дерево, куст), неоднократно встречающихся в лирике Кушнера, наиболее важным и многозначным представляется кустарник. В работе показывается значение этого образа (куст, по А. Арьеву, — «основная метафора жизни» Кушнера) и его соответствие принципам кушнеровской поэтики (внимание к малому, частному, повседневному; соразмерность человеку; приверженность частной жизни; отказ от публичности). Показано устойчивое сравнение куста с лирическим «я» поэта. Впервые последовательно выявлены основные функции и смысловые составляющие куста как художественного образа в лирике Кушнера: 1) куст как деталь пейзажа, в том числе городского, и как примета ленинградского/петербургского пространства; 2) куст как граница между мирами: а) земной жизнью и небытием, смертью, б) земной жизнью и высшим, божественным бытием; 3) куст как метафора смерти: образ сломанного, лишённого плодов или засыпанного снегом куста символизирует смерть как небытие; 4) куст как метафора вечной жизни: цветущий куст может использоваться Кушнером в качестве образа «вечной весны», которая ожидает человека по ту сторону земной жизни. Также кушнеровский куст оказывается неразрывно связан с темой творчества, мотивами овладения речью и божественного присутствия (образ Неопалимой Купины). В статье показаны сложность, амбивалентность данного образа. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: русская поэзия XX–XXI веков, поэтика, художественный образ, куст.

Marina V. Ponomareva

St Petersburg State University

THE BUSH IN ALEXANDER KUSHNER'S POETRY: SEMANTICS OF IMAGERY

The article deals with one of the most frequent imagery in Alexander Kushner's poetry — the bush. The source of the research is the whole corpus of the poet's lyrics — from Kushner's first poetry collections in 1960s to his latest magazine publications. In studying the semantics of the imagery we strive to employ a complex approach, using elements of comparative historical, formal and structural methods. Among Kushner's floral imagery (the garden, the tree, the bush) it is the bush that appears the most important and ambiguous. The article demonstrates the meaning of the imagery (as A. Arieiev states it, the bush is the Kushner's "main metaphor of life") and its agreement to Kushner's poetics (attention to the small, the private, the day-to-day, the proportionality to the man, the publicity waive. It is shown that there is a persistent comparison of the bush and the po-

et's lyrical ego. For the first time, the following functions are revealed: 1) bush as a part of the landscape, including the urban one, and as a marker of Leningrad/Saint-Petersburg space; 2) bush as a limit between the worlds: a) between the mundane life and the death; b) between the mundane life and the higher divine existence; 3) bush as a metaphor of death: the imagery of a broken, fruitless and snow-covered bush symbolises the death as an oblivion; 4) bush as a metaphor of eternal life: the imagery of a flowery bush may be used as an icon of an "eternal spring" that awaits the human beyond the limits of earthly life. In addition, Kushner's bush is tightly connected to the whole topic of creativity, seizing of speech and divine presence (the Burning Bush). The article shows complexity, ambivalence of the imagery. Refs 9.

Keywords: Russian poetry of 20th–21st centuries, poetics, imagery, bush.

ВСТУПЛЕНИЕ

Для поэзии Александра Кушнера характерно пристальное внимание к окружающему миру, к его деталям¹. Его стихи отличаются фотографической точностью как при описании предметного мира и городского пространства, так и при обращении поэта к природным зарисовкам. За каждым из таких описаний угадывается конкретное место — вид из окна на городской двор, знакомая ограда сада, площадь в Риме, решетка петербургского моста, просека, дорога на дачу...

Одним из самых частотных образов кушнеровского пейзажа оказываются растения — деревья и кустарники. Их многочисленные упоминания, которые встречаются на протяжении всего творчества Кушнера, начиная с ранних поэтических сборников 1960-х годов и заканчивая сегодняшним днем, пожалуй, выделяют его на фоне поэтов-современников и, на наш взгляд, подчеркивают его связь с традициями русской классической литературы, с русской поэзией Золотого и Серебряного веков².

На важность для Кушнера растительных образов указывают и названия его сборников: «Таврический сад» (1984), «Живая изгородь» (1988), «Тысячелистник» (1998), «Кустарник» (2002).

САД, ДЕРЕВО, КУСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. КУШНЕРА

Образ сада — один из центральных в художественном мире Кушнера. Множество раз и прямо, и имплицитно присутствующий в кушнеровской лирике, он демонстрирует свою многозначность, символизирует одновременно и полно-

¹ Об этом см., например: [Жолковский 2014; Пэн 1992], а также: Арьев А. Маленькие тайны, или Явление Александра Кушнера // Арьев А. Царская ветка. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2000. С. 85–185; Бек Т. Все дело в ракурсе. Рец. на: Александр Кушнер. Избранное. СПб.: Художественная литература, 1997 // Дружба народов, 1998. № 8. С. 170–178. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1998/8/vse-delo-v-rakurse.html> (дата обращения: 04.06.2022).

² См., например: [Белоусов 1992; Эпштейн 1990]. О разнообразных связях поэзии Александр Кушнера с русской классической традицией см.: [Кулагин 2017; Пономарева 2015; Ячник 2014].

ту жизни, и переживание этой полноты, и стремление к ней лирического героя. Л. Е. Ляпина в своем анализе стихотворения А. Кушнера «Таврический сад» пишет: «Сад — постоянный, любимый поэтом образ, сопровождающий его и бесконечно многообразный в своих обликах. ...упоминаниями сада и его атрибутов буквально “пересыпаны” тексты многих стихотворений». Исследовательница перечисляет различные описания кушнеровского сада, контексты и ассоциативные ряды, в которые включен данный образ, подчеркивая при этом его особую соотношенность с темами любви и творчества [Ляпина 2010: 129–130].³

Образы деревьев и кустарников выступают в качестве детали пейзажа, создаваемого Кушнером, образуют фон, на котором разворачивается его лирическое высказывание. Тополь, клен, ель, липа, безымянные «кустики», шиповник, сирень, жасмин...

Ни корабля,
ни лодочки, похожей на солонку.
А где же пир? Вздыхают **тополя**,
подав как будто реплику в сторону,
затекшими ветвями шевели.
<...>
Там я живу,
там сквозь **сады** сырые пробегая.
Блистающую лезвием Неву
отчетливо отсюда представляю
и город, ею вспоротый по шву.
Торчит набивка: **кустики**, скамьи...
(Кушнер 1975: 14–15)

При этом ель, например, может выступать в качестве приметы северного пейзажа:

В белых иглах мерцает душа,
В ее трещинах сумрак и лед.
Небожитель, морозом дыша,
Пальму первенства нам отдает,
Эта пальма, наверное, **ель**,
Обметенная инеем сплошь.
(Кушнер 2005: 610–611)

Некоторые из этих образов (особенно тополь⁴) становятся устойчивой приметой городского пейзажа:

---

³ Также о значении образа сада в творчестве А. Кушнера см.: Невзглядова Е. Сады в русской поэзии // Звезда. 2013. № 10. С. 195–196. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2172> (дата обращения: 28.05.2022).

⁴ Неоднократно встречающийся у Кушнера образ тополя М. Эпштейн считает неслучайным и связывает его с мировоззрением поэта: «У тополиного струящегося блеска есть

Никогда я превыспренных фраз не любил,
Лучше грязные голуби, их воркотня,
Лучше жалкий, обыденный, будничный план
И размашистый шум городских тополей.

(Кушнер 2005: 45)

Нередко городской пейзаж Кушнера четко локализован — перед читателем узнаваемое ленинградское/петербургское пространство: «стриженные липы» в стихотворении «Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки...», «гнилые осины» у могилы Тютчева на Новодевичьем кладбище («На скользком кладбище, один...»), сирень на Марсовом поле («Сирень персидская стоит как облака...»).

ОБРАЗ КУСТА: ОТ ДЕТАЛИ ПЕЙЗАЖА К СИМВОЛИЧЕСКОМУ ЗНАЧЕНИЮ

Данная статья посвящена образу куста — одному из самых устойчивых и знаковых у Кушнера. Настойчиво повторяющийся у Кушнера образ приобретает многозначность, одновременно оставаясь приметой конкретного пейзажа и получая символическое значение. На смысловое содержание этого образа не раз указывали исследователи кушнеровского творчества⁵. Так, например, Андрей Арьев в статье, посвященной поэту, называет куст «основным зрительным образом лирики» Кушнера и определяет его как «основную метафору жизни»⁶.

Рассмотрим основные смысловые составляющие образа, но прежде всего попробуем ответить на вопрос: почему именно куст оказывается так важен для поэта?

Образ куста в системе кушнеровской поэтики

Малому, частному Александр Кушнер уделяет особое внимание, его взгляд часто сосредоточен на, казалось бы, ничем не примечательном окружающем нас мире. Именно куст, а не дерево в своей невеликости оказывается соразмерен человеку. Не раз лирическое «я» поэта сравнивается с кустом, вступает с этим образом в особые отношения:

не только пластически зрелищная, но и философская, мировоззренческая сторона. Постоянное трепетание листы, открывающей то темную поверхность, то светлую изнанку, указывает как бы на двойственность самой жизни, на то, что внутри она радостнее, светлее, чем снаружи. Медитации на эту тему находим у такого тонкого лирика природы, как А. Кушнер <...> Для Кушнера именно светлая изнанка (а не темная, как обычно говорят) существенна в жизни... Именно тополь с его двоящимся обликом листы становится одним из образов жизни как целого...» [Эпштейн 1990: 57].

⁵ См., например: [Кулагин 2020: 285–307], а также: Арьев А. Привычка жить: к 80-летию Александра Кушнера // Знамя. 2016. № 9. С. 169–182. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6379> (дата обращения: 27.05.2022).

⁶ Арьев А. Привычка жить: к 80-летию Александра Кушнера.

Посмотри на **кустарник**,
Обнимающий склон.
Вот мой лучший напарник!
Я разросся, как он.

Не спросив разрешения,
Избавляя пейзаж
От головокруженья,
Созерцатель и страж.
(Кушнер 2002а: 32)

Скромный куст действительно «лучший напарник» Кушнера, избавляющий не только пейзаж «от головокруженья», но и поэта — от громкого слова и пафоса. В другом стихотворении Кушнера читаем:

Мне крики не нужны
С трибун, мне **куст жасмина**
Милей и тишины
Снотворная рутина.
(Кушнер 2002а: 18)

Еще в одном стихотворении, используя прием параллелизма, Кушнер сопоставляет лирическое «я» с кустом сирени:

Вот **сирень**. Как цвела при советской власти,
Так цветет и сегодня, ничуть не хуже.
Но и я не делю свою жизнь на части,
Прохожу вдоль **кустов**, отражаясь в луже.
И когда меня спрашивают: пишу ли
По-другому и лучше ли, чем когда-то,
Не встаю на котурны, ни на ходули.
И **сирень** так же розова, лиловата.
(Кушнер 2002б: 13)⁷

Отметим и в данном стихотворении присутствие устойчивого мотива кушнеровской поэтики — его приверженность частной жизни, отказ от публичности. И через это — верность и равенность самому себе, постоянство, декларируемую независимость от политических режимов⁸.

---

⁷ Об этом стихотворении см.: [Кулагин 2020: 298–299].

⁸ Аналогичный прием — но не простого, а двойного параллелизма, части которого оказываются противопоставлены друг другу — находим в стихотворении А. Кушнера «Я и сегодня люблю тебя так...». Постоянство в чувствах поэта по отношению к любимой, верность ей, идет об руку с его непринадлежностью ни к одному из сменяемых друг друга политических строев, верностью самому себе. Эти качества лирического «я» противоре-

Так образ куста — повседневного, малоприметного — полностью соответствует принципам кушнеровской поэтики. При этом куст — это не просто деталь пейзажа, а образ, аккумулирующий в себе разные смыслы. Как заметил А. Жолковский, анализируя не природные образы, а предметный мир кушнеровской лирики, впрочем, от этого наше обобщение становится только более убедительным: «Кушнер своим по-баратынски негромким голосом через малое говорит о большом» [Жолковский 2014: 257]. Своеобразным подтверждением словам Жолковского выступает стихотворение Кушнера «Троя». Через сопоставление размеров легендарного города с небольшим сквером и детской площадкой Кушнер проговаривает свое художественное кредо:

...Я маленькую Трою
Представил, как пылится, зарастая
Кустарничком, — и я притих, не скрою.
Поверишь ли, вся Троя — с этот дворик,
Вся Троя — с эту детскую площадку...
Не знаю, что сказал бы нам историк,
Но весело мне высказать догадку
О том, что всё великое скорее
Соизмеримо с сердцем, чем громадно...
(Кушнер 2016: 481)

Обратим внимание, что в данном стихотворении присутствует образ куста — и он уже не кажется случайной, проходной деталью.

Функции образа

При исследовании семантики изучаемого кушнеровского образа в первую очередь выделим функцию, которую обозначим как охранительную. В уже цитировавшемся стихотворении «Кустарник» есть такие слова: *Посмотри на кустарник, / Обнимающий склон*, — обнимающий, то есть любовно окружающий, очерчивающий пространство, поддерживающий. Далее следует еще одна характеристика — *созерцатель и страж*.

Эта охранительная функция куста возникает в целом ряде кушнеровских стихотворений. Так, например, лирический герой описывает скрытых, оберегаемых от его глаз кустарником мужчину и женщину:

И, сказать ли, еще из густых **кустов**
Ивняка, окаймлявших речной песок,

ят течению времени, представленного через смену исторических эпох (...*полощется флаг, / Был ярко-красным, а стал полосатым* [Кушнер 2002а: 36]) и природный образ — воды, в противоположность сирени приспособляющейся ко всему (*Время шумит, как в фонтане вода, — Ей лишь бы кланяться и распрямляться* [Кушнер 2002а: 36]).

Долетали до слуха обрывки слов,
Женский смех, приглушенный мужской басок.
(Кушнер 2002б)

Здесь образ направлен на создание интимного пространства, кустарник охраняет счастливый, камерный мир любовной пары. В другом стихотворении куст, сопоставленный поэтом с порядком, космосом, удерживает, отвоевывает мир от хаоса, от «оползня жизни»:

Потому и порядок такой на столе,
Чтобы оползень жизни сдержатъ.
Так сажают **кустарник** на слабой земле
И воюют за каждую пядь.
(Кушнер 1974: 83)

Сдерживание мира в его границах и формах, оберегание его от соскальзывания во тьму ярко иллюстрирует стихотворение «Фотография», в котором Кушнер описывает детский групповой портрет на фоне пейзажа, сделанный во времена довоенного детства поэта:

В три года от тьмы человек отделен
тремя полубморочными годами.
Еще на земле не освоился он,
со смертью готов поменяться местами.
Ничем не заставленный мглист небосклон,
вдали кое-как **окаймленный кустами**.
(Кушнер 2002а: 85)

Раннее детство Кушнер представляет как своеобразное пограничное состояние, близкое небытию, немного призрачное, неопределенное, не до конца проявленное, как фотография в процессе печати. Между здешним и потусторонним, бытием и небытием граница взаимопроницаема, едва намечена: *ничем не заставленный мглист небосклон, / вдали кое-как окаймленный кустами*. Через бреши в кустарнике еще сочится тревожная, мглистая потусторонность.

Так, кроме охранительной функции, у куста появляется еще одна — он выступает в качестве своеобразного рубежа между жизнью и смертью, между человеком и небытием, очерчивает ойкумену, за пределами которой тьма и хаос, оберегает пространство жизни. Обращают на себя внимание причастия, сопровождающие образ: *обнимающий кустарник, окаймлявшие песок кусты, окаймленный кустами небосклон*. В них сказывается и охранительная, и разделяющая функции.

В стихотворении «Поездка» зимний выезд на дачу описывается Кушнером как попадание в потусторонний мир:

Какая разница: Сусанино,
Или Ковшово, иль Межно —
Все полустерто, затуманено,
Слепым снежком заметено,
Загробной жизнью прикарманено,
Уж так у нас заведено.

Не перестроить ни угрозами,
Ни пореформенным трудом,
Ни продналогом и колхозами
Страну под снежными заносами
С лежащим замертво **кустом**.
(Кушнер 2002a: 37)

«Замертво» лежащий на земле куст подтверждает наблюдения об этом образе как о пограничном между мирами — здесь эта граница нарушена, стерта. В стихотворении «Кто едет в купе и глядит на метель...» среди картин зимы и метели также возникает образ сломанного куста.

Образ куста, который сопутствует теме смерти, ухода в небытие, в кушнеровской лирике встречается уже в 1960-е годы.

Кто тише старика,
Попавшего в больницу,
В окно издалека
Глядящего на птицу?

Кусты ему видны,
Прижатые к киоску.
Висят на нем штаны
Больничные, в полоску.
(Кушнер б. г.)

Деталь городского пейзажа — *кусты... прижатые к киоску*, — словно повторяют душевную потребность человека в старости и одиночестве найти опору, «прижаться» к кому-нибудь.

В стихотворении «Первым узнал Одиссея охотничий пес...» Кушнер снова использует исследуемый нами образ. В попытке проговорить, что такое жизнь, дать ей поэтическое определение, Кушнер вводит понятие смерти⁹. Он отталкивается от истории Одиссея — возвращения героя домой после многолетних ски-

---

⁹ Кажется уместным вспомнить здесь слова И. Б. Роднянской о поэзии А. Кушнера: «...Кушнер поразительно мало заинтересован в “культуре”, поразительно мало связывает с ней надежд на обустройство в мире. Конечно, у него, как и у всех, есть стихи о стихах, о живописи, о музыке, но не они определяют мыслительный тонус его поэзии. Ее определители — Жизнь и Смерть» (Роднянская И. И. Кушнер стал нам скучен // Новый мир. 1999.

таний, возвращения из мира иного. Кажется неслучайным, что Кушнер обращается к эпизоду узнавания Одиссея его собакой Аргусом. Образ собаки связан не только с представлением о верности, но и с представлениями о потустороннем мире; возвращающийся же Одиссей несет на себе этот отпечаток потустороннего. Кроме того, происходит своеобразная символическая мена: старый Аргус, дождавшись хозяина, вернувшегося из иного мира, сам уходит туда, умирая. Противопоставляя жизнь смерти, поэт обыгрывает образ куста.

Первым узнал Одиссея охотничий пес,
А не жена и не сын. Приласкайте собаку.
Жизнь — это радость, при том что без горя и слез
Жизнь не обходится, к смерти склоняясь и мраку.

Жизнь — это море, с его белогривой волной,
Жизнь — это дом, где в шкафу размещаются книги,
Жизнь — это жизнь, назови ее лучше женой.
Смерть — это кем-то обобранный **куст ежевики**.
(Кушнер б. г.)

Итак, в художественном мире Кушнера куст, лишенный плодов, сломанный, истерзанный, «лежащий замертво», символизирует смерть как небытие.

При этом парадоксальным образом и полная противоположность мертвому кусту — куст цветущий — также может говорить поэту о смерти, но не о смерти как небытию, а как о том, за чем следует вечная жизнь:

Мне не важно, какой сегодня день,
И какое число, мне безразлично,
Потому что пышная **сирень**
В переулке цветет так хаотично.

Каждый раз присматриваюсь к ней,
Как к тому, что ждет нас после смерти.
<...>

Как же вечную не любить весну,
Если так цветет земной **кустарник**?
Клонит к смерти в мае, как ко сну,
И **сирень** как бы ее посланник.
(Кушнер 1988: 10)

Цветущая сирень оказывается «посланником смерти», понимаемой как исполняющаяся полнота бытия, приметой «вечной весны», которая ожидает человека по ту сторону земной жизни.

Здесь представляется уместным вернуться к образу сада, о важности которого в творчестве Кушнера говорилось выше. Так же, как и цветущий куст принадлежит одновременно нашему, земному, и вневременному мирам, сад может становиться тем особым пространством, в котором происходит встреча мира живых с миром мертвых. В одном из стихотворений Кушнер населяет Таврический сад тенями русских поэтов Серебряного века¹⁰:

Через сад с его **кленами** старыми,
Мимо **жимолости** и **сирени**
В одиночку идите и парами,
Дорогие, любимые тени.
(Кушнер 2016: 693)

Помимо границы между человеком и смертью как небытием, темнотой, кушнеровский куст может быть местом взаимодействия человека и того, что принято называть миром высшим, точкой соприкосновения двух этих реальностей.

Образ может обогащаться библейскими аллюзиями. Наиболее ярким и показательным в этом смысле представляется стихотворение «Кустарник», в котором Кушнер через описание куста как детали пейзажа переходит к сравнению с лирическим «я», а вслед за этим превращает обычный кустарник в Неопалимую Купину:

Последи за ветвями:
Неприметно для глаз
Разгорается пламя
В нем в полуденный час.

Есть на что опереться
Небесам на земле.
Он бы мог разгореться
У меня на столе.

Все он помнит, все видит.
С самой жаркой из книг,
Я не знаю, кто выйдет
Из него через миг.

(Кушнер 2002а: 32)

---

¹⁰ О стихотворении см.: [Кулагин 2020: 214–215, 218–225].

При этом тема Божественного пророчества, присутствующая в качестве отсылки к библейской истории о явлении Бога в виде горящего куста пророку Моисею, органично смыкается здесь с темой свободы и творчества¹¹. Перед нами дикорастущий кустарник, который *разросся, не спросив разрешения*, и выбранная им роль *стража, защитника, избавляющего пейзаж от головокруженья*, — акт доброй воли. Это важно, потому что свободно, самостоятельно избранная роль позволяет поэту утверждать: *Есть на что опереться / Небесам на земле*, — и быть уверенным, что его творчество открыто Божественному слову (*Он бы мог разгореться / У меня на столе*).

Леонид Дубшан, указывая на некоторую неопределенность двух последних строк кушнеровского стихотворения (*Я не знаю, кто выйдет / Из него через миг*), связывает ее с той миссией, которую Бог возложил на Моисея. Приводя слова Священного Писания, сказанные в ответ на смущение Моисея: «Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить», — Дубшан пишет: «Так губами поэта движет сама поэзия, а что произнесет он, наперед ему знать и нельзя, он — как это было сказано когда-то — “лишь богов орган живой”. Поэзия суверенна, свободна, и только в силу причастности ей свободен и поэт»¹². Любопытно, что в такой трактовке, во-первых, наблюдается замена Бога поэзией, во-вторых, есть некоторое противоречие между смыслом ветхозаветных слов — пророк только проводник Божественного слова, не имеющий слова собственного, — и свободным творческим высказыванием. Впрочем, если говорить о Кушнере, то, на наш взгляд, в его неуверенном «не знаю» проявляются и внутренняя полемичность, и отсутствие готовых ответов о существовании Бога, которое присутствует в кушнеровской лирике. Замещение же Божественного начала языком (или поэзией) в принципе характерно для современной культуры.

Ярким примером такой внутренней полемики является стихотворение «Эта тень так прекрасна сама по себе под кустом...». В нем сложно сочетаются и отрицание Божественного замысла в мире, и идея единства красоты и свободы, и существование высшего смысла — религиозного в широком понимании этого слова:

Эта тень так прекрасна сама по себе под кустом
Волоокой сирени, что большего счастья не надо:
Куст высок, и на столик ложится пятно за пятном.
Ах, какая пятнистая, в мелких заплатках прохлада!

Круглый мраморный столик не лед ли сумел расколоть,
И как будто изглодана зимнею стужей округность.

---

¹¹ В данном стихотворении А. Кушнер затрагивает и тему поэта-пророка, традиционную для русской поэзии.

¹² Дубшан Л. Комментарий к кустарнику. Рец. на: Александр Кушнер. Книга новых стихов. СПб., Пушкинский фонд, 2002, 88 стр. // Новый мир. 2003. № 6. С. 188. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2003_6/Content/Publication6_3252/Default.aspx (дата обращения: 15.05.2022).

Эта тень так прекрасна сама по себе, что Господь
Устранился бы, верно, свою ощущая ненужность.

Боже мой, разве общий какой-нибудь замысел здесь
Представим, — эта тень так привольно и радостно дышит,
И свежа, и случайность, что столик накрыт ею весь,
Как попоной, и ветер сдвигает ее и колышет,

А когда, раскачавшись, совсем ее сдернет — глаза
Мы зажмурим на миг от июньского жесткого света.
Потому и трудны наши дни, и в саду голоса
Так слышны, и светло, и никем не задумано это.

(Кушнер 2016: 311)

Утверждение этого высшего смысла происходит как будто исподволь, поверх прямого высказывания Кушнера, оно подспудно обнаруживается в художественной ткани стихотворения: через дважды сделанное Кушнером упоминание Бога, через появление ослепительного света в последней строфе и... в чувстве острого счастья после прочтения¹³.

Образ куста — точнее, его тени — оказывается здесь центральным, с его функцией границы мы уже неоднократно сталкивались. В данном тексте тень от сирени выступает в качестве своеобразной завесы между мирами, при падении которой границы между ними исчезают.

Анализируя образ куста в творчестве Кушнера, можно было бы указать на последовательное развитие этого образа от детали пейзажа к библейской Неопалимой купине. Однако это не совсем верно и слишком прямолинейно. Уже в относительно ранней поэзии Кушнера мы встречаемся со многими смысловыми гранями этого образа, которые впоследствии проявятся более ярко и отчетливо. В качестве примера приведем следующее стихотворение из сборника 1975 г., в котором также присутствуют мотивы, связанные с творчеством, и образ горящего куста:

Как будто страданье одно под рукой.
Найти бы какой-нибудь повод другой,
Но стих так устроен,
Что, если не жар в нем и если не лед,
Он сам себя в муке за то изведет,
Что слишком спокоен.

---

¹³ В данном контексте вспоминаются слова Александра Вергелиса: «По сути, все, чем занимается Кушнер в стихах, — это теодицея. Без заведомо обреченных на провал попыток ответить на извечные человеческие вопрошания о смысле страданий, о цели существования. Возможно, все бессмысленно. Но посмотрите, как хорошо! И главное — никто не виноват. Но если бы даже мы узнали, что кто-то виноват, — стало ли бы нам легче?» (Вергелис А. Опыт поэтической теодицеи. Александр Кушнер «Земное притяжение» // Урал, 2016. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2016/7/опыт-poeticheskoy-teodiczei.html> (дата обращения: 03.06.2022)).

И тополь закручен, и чуть в стороне
Шиповник на медленном тлеет огне,
Соря лепестками.
И в комнате памятью каждый пустяк
Охвачен, как скомканный ворох бумаг —
Огня завитками.

(Кушнер 1975: 10)

В лирике Кушнера можно найти еще ряд стихотворений, в которых образы куста и деревьев способствуют раскрытию темы творчества. Как отмечает Андрей Арьев: «Человеческая культура у Кушнера вообще срослась со стихиями, в первую очередь — водными, текучими, подвижными и в то же время соизмеримыми с вечностью, с неведомым нам покоем. “Важна листва, а не сюжет”, — заявлено поэтом. Шум листвы братается “со строчкой стиховой”, в то время как небеса “сочувствуют и влаге”»¹⁴. Так, например, в одном стихотворении работа поэта над словом уподобляется стрижке куста сирени («Я это я, хотя поэт...»), в другом — стихотворная речь сравнивается с шумом деревьев: *Стихи, в отличие от смертных наших фраз, / Шумят ритмически, как **дерево** большое* («Стихи, в отличие от смертных наших фраз...»).

Однако не только стихотворная речь, поэзия, поэтическое творчество входят в семантическое поле куста как художественного образа. Овладение речью как таковой также связано у Кушнера с этим образом. В стихотворении «Два лепета, быть может бормотанья...» описывается, как куст учит младенца говорить:

Шли капли мимо, плакали на марше.
Был мальчик мал, **куст** был намного старше.
Он опыт свой с неведеньем сличил
И первым звукам мальчика учил.

Он делал так: он вздрагивал ветвями
И гнал их вниз, и стлался по земле,
А мальчик то же пробовал губами,
И выходило вроде «ле-ле-ле»

И «ля-ля-ля».

(Кушнер б. г.)

Это общение куста и мальчика, обучение ребенка «языку» оказывается возможным благодаря отсутствию между младенцем и природой границы, которой в представлении Кушнера является человеческая душа. Младенец, с которым разговаривает куст, еще не до конца «очеловечился», не до конца принадлежит миру людей, его состояние погранично — мы уже сталкивались с таким пони-

---

¹⁴ Арьев А. Привычка жить: к 80-летию Александра Кушнера.

манием детства в стихотворении «Фотография». Ребенку внятен язык природы и наоборот.

Тема обретения языка и зрения — зрения внутреннего, видения сути вещей, — переплетенная с темой внутреннего перерождения, обращения (не случайно Кушнер строит текст на отсылках к Новому Завету) звучит и в следующем стихотворении:

Евангелие от **куста жасминового**,
Дыша дождем и в сумраке белея,
Среди аллей и звона комариного
Не меньше говорит, чем от Матфея.

Так бел и мокр, так эти грозди светятся,
Так лепестки летят с дичка задетого.
Ты слеп и глух, когда тебе свидетельства
Чудес нужны еще, помимо этого.

Ты слеп и глух, и ищешь виноватого,
И сам готов кого-нибудь обидеть.
Но куст тебя заденет, бесноватого,
И ты начнешь и говорить, и видеть.

(Кушнер 2016: 217)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы проанализировали различные функции образа куста в кушнеровской лирике, его соотношение с принципами поэтики Кушнера, контексты, в которых он возникает, его семантику. С уверенностью можно утверждать, что в художественном мире А. Кушнера образ куста обладает сложностью и многозначностью, амбивалентностью, несет одну из самых содержательных смысловых нагрузок. Поэт использует данный образ для раскрытия самых важных тем поэзии: темы жизни и смерти, темы творчества, свободы, смысла жизни.

Источники иллюстративного материала

- Кушнер А. Письмо: стихи. Л.: Советский писатель, 1974.
Кушнер А. Прямая речь. Стихотворения. Л.: Лениздат, 1975.
Кушнер А. Живая изгородь. Л.: Советский писатель, 1988.
Кушнер А. Кустарник. Книга новых стихов. СПб.: Пушкинский фонд, 2002а.
Кушнер А. Сквозь ночь // Новый мир. 2002б. № 10. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2002_10/Content/Publication6_3862/Default.aspx (дата обращения: 26.05.2022).
Кушнер А. Аполлон в траве: эссе. Стихи. М.: Прогресс — Плеяда, 2005.
Кушнер А. Избранные стихи. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2016.
Кушнер А. Стихи // Александр Кушнер. Персональный сайт. [Б. г.] URL: <https://kushner.poet-premium.ru/poetry.html> (дата обращения: 16.05.2022).

Литература

- Белоусов А. Акклиматизация сирени в русской поэзии // Сб. статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Сост. Л. Киселева. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1992. С. 311–322.
- Жолковский А. Поэтика за чайным столом («Сахарница» Александра Кушнера) // Жолковский А. Поэтика за чайным столом и другие разборы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 256–275.
- Кулагин А. В. Кушнер и русские классики: сб. статей. Коломна: Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2017.
- Кулагин А. В. Поэтический Петербург Александра Кушнера. Статьи. Эссе. Коломна: Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2020.
- Ляпина Л. Е. «Таврический сад» А. С. Кушнера: контекстуальное прочтение // Ляпина Л. Е. Мир Петербурга в русской поэзии: очерки исторической поэтики. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 126–137.
- Пономарева М. В. Державинская «река времен» в стихотворении А. Кушнера: трансформация образа // *Petra Philologica*: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 273–281. URL: <https://18vek.spb.ru/Archive/PetraPhilologica.pdf> (дата обращения: 05.06.2022).
- Пэн Д. Б. Мир в поэзии А. Кушнера. Ростов н/Д.: Рост. гос. ун-т, 1992.
- Эпштейн М. Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990.
- Ячник Л. Н. Интертекстуальность и русская поэтическая традиция в творчестве А. С. Кушнера: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2014.

References

- Belousov A. Lilac acclimatisation in Russian poetry. Kiseleva L. (comp.). *Sbornik statei k 70-letiiu prof. Iu. M. Lotmana*. Tartu, Tartuskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1992, pp. 311–322. (In Russian)
- Epshtein M. *The nature, the world, the stash of the universe...: the system of landscape imagery in Russian poetry*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. (In Russian)
- Iachnik L. N. *Intertextuality and Russian poetic tradition in Alexander Kushner's works*. PhD thesis. Kiev, 2014. (In Russian)
- Kulagin A. V. *Kushner and Russian classics: Collection of articles*. Kolomna, Gosudarstvennyy sotsiologumanitarnyy universitet Publ., 2017. (In Russian)
- Kulagin A. V. *Poetic Petersburg of Alexander Kushner. Artless. Essays*. Kolomna, Gosudarstvennyy sotsiologumanitarnyy universitet Publ., 2020. (In Russian)
- Liapina L. E. “Tavrisheskii sad” by Alexander Kushner: the contextual reading. Liapina L. E. *Mir Peterburga v russkoi poezii: ocherki istoricheskoi poetiki*. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010, pp. 126–137. (In Russian)
- Pen D. B. *The world in A. Kushner's poetry*. Rostov-on-Don, Rostovskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1992. (In Russian)
- Ponomareva M. V. Derzhavin's “river of time” in Kushner's verse: transformation of imagery. *Petra Philologica: professoru Petru Evgen'evichu Bukharkinu ko dniu shestidesiatiletii*. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 273–281. URL: <https://18vek.spb.ru/Archive/PetraPhilologica.pdf> (accessed: 05.06.2022) (In Russian)
- Zholkovskii A. Poetics at a tea table (“Sakharnitsa” by Alexander Kushner). Zholkovskii A. *Poetika za chainym stolom i drugie razbory*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 256–275. (In Russian)

Сведения об авторе

Пономарева Марина Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Marina V. Ponomareva

PhD in Philology, Associate Professor

St Petersburg State University

7-9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: m.ponomareva@spbu.ru

SPIN-код: 6014-3438

ORCID: 0000-0002-7971-4430

Researcher ID: M-8547-2015